

Милый старенький Витебск в начале двадцатого века!
Алых маков раздолье, ромашки, репей, васильки,
Резкий запах селедки и чуть подгоревшего хека,
Керосиновой лампы блуждающие огоньки.

У окна приоткрытого — фикус и венские стулья,
Занавеска приподнята, в воздухе — трепет стрекоз...
Ах, Шагал-чародей, ты извлек их из чудного улья,
Хрустнув веточкой липы на улице витебских грез.

Абазур на цепочках, трюмо, табурет на пороге,
Разноцветные коврики, тканые половики...
Отчего же так сердце щемит от неясной тревоги,
Всеобъемлющей грусти, какой-то вселенской тоски?

И салфеточки в прошвах, и чуть потускневшие блюда,
Черный лак этажерки — обычная будничность, быт! —
У Шагала-художника вдруг превращаются в чудо.
Шепот витебских домиков в толще веков не забыт.

Акварели заката пылают пронзительно-ало.
Грозовой чертою очерился ночи излом.
А летучее время на дивной картине Шагала
Легкомысленно машет
Узорчатым синим крылом.